

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ПОЭТИКИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научная статья

Письма Л. П. Жуковской как ценный источник по истории филологической науки второй половины XX в.

М. С. Крутова

*Российская государственная библиотека, Московская духовная академия
mskrutova@yandex.ru*

Аннотация. В личном фонде выдающегося исследователя древней славянской письменности Л. П. Жуковской, хранящемся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки, среди других неопубликованных материалов находятся ее письма к видным ученым второй половины XX в. Были выявлены неизвестные ранее факты биографии Л. П. Жуковской и членов ее семьи. Ее переписка с разными корреспондентами содержит ценную информацию о плодотворном научном общении отечественных и зарубежных ученых, а также об актуальных проблемах исследования текстологии и языка славянских памятников письменности.

Ключевые слова: археография, рукопись, славистика, история славянской письменности, книжная культура, текстология, воспоминания

Для цитирования: Крутова М. С. Письма Л. П. Жуковской как ценный источник по истории филологической науки второй половины XX в. // Scriptorium slavicum. 2025. № 1. С. 57–75. <https://doi.org/10.20913/script-2025-1-04>

ISSUES OF TEXTUAL CRITICISM AND POETICS OF OLD RUSSIAN LITERATURE

Article

Letters by L. P. Zhukovskaya as a Valuable Source on the History of Philological Science in the Second Half of the 20th Century

Marina S. Krutova

Russian State Library, Moscow Theological Academy
mskrutova@yandex.ru

Abstract. In the personal collection of Lidiya P. Zhukovskaya, famous researcher of old Slavic literature, kept in the Department of Manuscripts of the Russian State Library, among other unpublished materials are her letters to famous scientists of the second half of the 20th century. The article reveals previously unknown facts about the biography of Lidiya P. Zhukovskaya and her family members. Her letters with various correspondents contain valuable information about the fruitful scientific communication between domestic and foreign scientists, about the current problems of studying the textual criticism and language of Slavic written monuments.

Keywords: archaeography, manuscript, Slavic studies, history of old Slavic literature, book culture, textual criticism, memories

Citation: Krutova M. S. Letters by L. P. Zhukovskaya as a Valuable Source on the History of Philological Science in the Second Half of the 20th Century // *Scriptorium slavicum*. 2025, no. 1, pp. 57–75. <https://doi.org/10.20913/script-2025-1-04>

Введение

Лидия Петровна Жуковская (5 апреля 1920 – 7 января 1994) – выдающийся филолог-славист, лингвист, текстолог, палеограф, археограф, лауреат Государственной премии РСФСР 1988 г. в области науки и техники. Ее научные труды получили международное признание как в России, так и за ее пределами. С 1988 г. и до самой кончины она работала главным научным сотрудником в отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

В 1994 г. ее сын Михаил Михайлович Кузнецов передал туда в дар ее архив и библиотеку. За свою жизнь ею было издано свыше 260 работ [Жуковская, 1990]. Небольшая часть статей появилась уже после ее смерти [Хронологический список, 2020]. Однако творческое наследие Л. П. Жуковской опубликовано далеко не полностью: в ее личном архивном фонде (отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Ф. 860) находится значительное число неизданных работ, некоторые труды вышли в малоизвестных изданиях и стали библиографической редкостью.

В настоящее время автором статьи проводится активная работа по описанию этого архива, в книгохранилище передано 140 картонов, содержащих 3 742 единицы хранения. Семь томов описания этих материалов оцифрованы и выставлены на сайте Российской государственной библиотеки. Предполагается, что в ближайшие годы фонд будет обработан полностью.

При работе с фондом были установлены неизвестные ранее факты биографии Л. П. Жуковской, уточнены уже выявленные, что позволило воссоздать более полный образ этого выдающегося ученого. Особенно ярко масштаб ее личности раскрывается в переписке с разными корреспондентами. Прежде всего, это ее выдающиеся современники, как отечественные, так и зарубежные филологи и историки: академики Д. С. Лихачев, Б. А. Рыбаков, Р. И. Аванесов, О. Н. Трубачев; известные текстологи, лингвисты, специалисты в области древней славяно-русской письменности А. А. Алексеев, Ю. К. Бегунов, О. В. Творогов, Е. Э. Гранстрем, Л. С. Ковтун, В. Ю. Франчук, А. А. Турилов, О. П. Лихачева, В. И. Малышев и другие.

Обширная переписка велась ею с зарубежными славистами, среди которых Аница Назор и Бисерка Грабар (Хорватия); Франтишек Вацлав Мареш (Чехия); президент Греческой ассоциации славянских исследований Антоний-Эмиль Тахиаос; Румяна Павлова, Виолетта Кунева (Болгария); академик Сербской академии наук и искусств Воислав Джурич, Радмила Ковачевич (Югославия); Ирена Леннинска и Лешек Мошинский (Польша); Э. Ж. Лабар (Голландия); Кэтрин Мэри МакРоберт (Англия) и др. Столь широкий круг общения редок для ученых советского периода. Однако для Л. П. Жуковской это оказалось возможным, благодаря ее активному участию в съездах славистов и многочисленных международных конференциях, а также работе вице-президентом от соцстран Международной комиссии по составлению Словарей церковнославянского языка.

Письма Л. П. Жуковской к известным ученым второй половины XX века

Лидия Петровна Жуковская вела активную переписку с исследователями и преподавателями-филологами вузов со всего Советского Союза. Среди них: Лидия Андреевна Глинкина (Челябинск), Людмила Михайловна Городилова (Хабаровск), Владимир Маркович Григорян (Ереван), Ольга Павловна Ермакова (Калуга), Ирина Эдуардовна Еселевич (Ижевск), Михаил Андреевич Жовтобрюх (Киев), Аркадий Иосифович Журавский (Минск), Зоя Петровна Здобнова (Уфа), Софья Петровна Лопушанская (Волгоград), Борис Иванович Осипов (Омск), Борис Иванович Скупский (Махачкала),

Алла Георгиевна Степанян (Одесса), Вячеслав Павлинович Тимофеев (Челябинск), Наталья Владимировна Убийвовк (Молдова, Тирасполь), Людмила Михайловна Устюгова (Ужгород), Василий Егорович Ушаков (Чебоксары), Татьяна Григорьевна Цакалиди (Владикавказ), Григорий Михайлович Чумаков (Ворошиловград), Людмила Ивановна Шелепова (Барнаул) и др. Со многими корреспондентами у нее установились не только деловые, но и дружеские отношения.

Письма Л. П. Жуковской к известным ученым, ее современникам, как и их ответные послания, до сих пор не опубликованы. Цель статьи – дать характеристику письмам, в которых поднимаются проблемы изучения славянской письменности, а также вопросы, волновавшие научную интеллигенцию во второй половине XX в.

Дмитрию Сергеевичу Лихачеву

Особый интерес представляет переписка Лидии Петровны Жуковской с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Между ними сложились теплые, дружеские, доверительные отношения. Всего сохранилось 10 писем и 6 телеграмм, датированных 1977, 1979, 1981, 1984–1988, 1991 гг. (ОР РГБ. Ф. 860. К. 20. Ед. хр. 43).

Так, в письме от 9 февраля 1977 г. Л. П. Жуковская высказывает свое мнение о трудах известных ученых: Р. И. Аванесова, В. В. Виноградова, Н. К. Гудзия, И. В. Левочкина, Л. В. Тигановой, И. М. Кудрявцева, М. Ф. Мурьянова и др. При этом с юмором отмечает и о себе: «старею», «считаю себя хорошим человеком».

В письме от 10 февраля 1979 г. исследовательница делится наблюдениями о памятниках письменности:

«В книге Вашей я снова перечитала рассказ о крещении Руси апостолом Андреем, которым занималась последнее время по спискам Пролога. Как мне кажется, существует более древний список этого рассказа в Прологе Син-247, который гимовцы датируют второй половиной XIV в. В связи с этим осмеливаюсь предложить Вам 15-минутное сообщение для Вашей среды¹ 21/II. Его можно назвать: "Волоковский лес в древнейшем списке Сказания о крещении Руси апостолом Андреем"» [Жуковская, 2008].

В письме от 1 октября 1984 г. Лидия Петровна описывает непростую

¹ Заседания в Отделе древнерусской литературы Пушкинского Дома – Института русской литературы Академии наук СССР (ИРЛИ), где выступал один докладчик и проходило обсуждение доклада присутствующими, проводились по средам.

обстановку в секторе лингвистического источниковедения Института русского языка им. В. В. Виноградова, вспоминает факты своей научной биографии, делает обзор наиболее важных своих публикаций и сетует на то, что «машинное изучение памятников письменности вытесняет классическое».

В письме от 16 февраля 1985 г. Л. П. Жуковская сообщает о поездке в Волгоград на Первые Борковские чтения² памяти выдающегося историка языка Виктора Ивановича Борковского:

«Именно благодаря ему я смогла защитить диссертацию кандидата [Жуковская, 1957] (он буквально отвоевал у Аванесова время для меня — год, но с обязательством провести колоссальную по числу участников, учреждений и студентов, диспетчерскую работу по организации диалектологической экспедиции 1952 г., и по году для Бромлей и Булатовой); благодаря ему меня называли "отцом (!!!) берестяной палеографии"; благодаря ему вышла моя первая монография "Новгородские берестяные грамоты" в "Учпедгизе" [Жуковская, 1959]. Правда, в "старшие" меня проводил уже ВВВ³, и благодаря ему была создана "материальная база" для защиты докторской, и он меня оставил в Институте, когда в конце 1962 г. Аванесов в согласии с общественными организациями, надо полагать, представил меня к сокращению и переводу в Лумумбу (так называемое "трудоустройство молодого работника!") при первом сокращении в А[кадемии] Н[аук]...»

Л. П. Жуковская старалась не пропускать значимые для нее спектакли и об одном из них написала в письме к Д. С. Лихачеву от 29 апреля 1985 г. Тогда в Третьяковской галерее состоялось

«очередное выступление группы Юлии Николаевны Малышевой "Звучащее Слово"». Она сказала мне, что звонила Вам, и Вы отнеслись благосклонно к ее начинанию, самозабвенному по преданности идее древнерусской литературы, звучащей по возможности на древнерусском языке! Эта редкостная женщина — буквально современный Аввакум в юбке (в отличном серо-зеленоватом-голубоватом, почти белом платье)! Сравниваю ее с Аввакумом потому, что только на прошлой неделе посмотрела в ВТО великолепный моноспекталь об Аввакуме Вашего Михаила Матвеева из театра Комиссаржевской, который тоже на каждом представлении сжигает себя... частицу себя. В результате работ Малышевой и Матвеева я особенно четко поняла, что необходимо вводить в душу народа древние наши памятники именно через звучащее слово, в том числе и само "Слово". Любой перевод

² Это были Первые Борковские чтения в память об известном лингвисте, историке языка В. И. Борковском, которые с тех пор регулярно проводятся в Волгоградском государственном университете на кафедре истории русского языка и стилистики. В 1980 г. после кончины В. И. Борковского его библиотека была передана Институтом русского языка имени В. В. Виноградова Академии наук СССР в университет, где хранится в кабинете-музее.

³ Виктор Владимирович Виноградов.

все же передает лицо переводящего. Чтение про себя древнего текста современному человеку совсем трудно, так как он даже не знает церковнославянского, сложившегося в кон. XV – нач. XVII в. Звучащий же текст, особенно с тактичным музыкальным сопровождением, с разбиением его по ролям, с повторами (все это есть в спектакле Малышевой) доходит глубже и всестороннее, эмоциональнее. Очень бы хотелось, чтобы ее группу выпустили на телевидение — чтобы слышали массы людей, которым дорога (и даже тех, кому пока дорога...) память и знание о своих корнях (генетическая память?) <...> Она в прошлом актриса и к тому же филолог с вузом <...> Мне очень хочется, чтобы Ваш раздел "Несколько замечаний в помощь начинающим изучать "Слово о полку Игореве"" [в книге ""Слово о полку Игореве" и культура его времени", которую она получила от него "с доброй надписью"] был перепечатан в нашей "Русской речи", для моего любимого читателя (Оля Лихачева⁴ назвала бы его "тмутараканский ёжик": словосочетание родилось у нас с ней в связи с подготовкой третьего тома "методички" описателям рукописей для "Сводного каталога... XIV в.", но я хочу надеяться, что "после нас" — и следующих веков, вплоть до современных старообрядческих) <...> Ваша книга должна была бы выйти тиражом на два-три порядка большим. Вот бы поставить опыт, за сколько времени разошлись бы 20 000 000! Но пока, к несчастью, это "дифьсит" (как говорит Аркадий Райкин) и оказывается она в руках совсем не тех, для кого он духовный хлеб насущный».

Следует заметить, что Л. П. Жуковская содействовала тому, что в 1988 г. вышла книга, посвященная звучащему слову Древней Руси, составленная Ю. Н. Малышевой [Малышева, 1988].

В письме от 12 октября 1986 г. Л. П. Жуковская рассказывает Д. С. Лихачеву о заседаниях по древнерусской литературе в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, которые

«организовал "молодец Демин" и возобновил культурную жизнь немногих древников в нашей чиновничьей мещанской Москве. Там Кусков будет делать доклад о "Слове" <...> Вовсю старается О. А. Князевская. Я объявила на 10 минут тему очень важную для меня сейчас в связи с редактированием (это — мягко сказать, правильнее — в связи с работой) материалов, поступающих из хранилищ для "Сводного каталога... XIV века". Она звучит так: "Необходимость уточнения терминологии при определении письма славянских памятников". Я только сейчас, возвращаясь из Югославии с заседания комиссии М[еждународного] К[омитета] С[лавистов] по составлению Словаря (фактически — словарей) церковнославянского

⁴ См. о ней: Памяти Ольги Петровны Лихачевой (18.12.1973–06.01.2003) // Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург, 1998; Алексеев А. А. Ольга Петровна Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург, 2003. Т. 53. С. 669–672; Киселева Л. И. Вся жизнь – библиотеке (памяти Ольги Петровны Лихачевой) // Информационный бюллетень РБА. 2003. № 26. С. 30–33.

языка, в которой я — вице-председатель при председателе Ф. Мареше (он в Вене, и нужен представитель из славянских стран, а прежде был один Курц), начала понимать в поезде, почему у нас не получается взаимопонимания не только с болгарами, но и с сербами, тем более с македонцами. У них относительно мало рукописей от древности и средневековья, и они могут позволить себе вводить в каталоги частные (с наших позиций — имею в виду Щепкина, Соболевского, Карского...) определения, отражающие диалектное членение и даже скрипторные особенности письма. Мы же — русские палеографы, причем лингвисты все были, — даем глобальное разделение, зависящее от языка исконных славянских групп: извод русский (=восточнославянский, = древнерусский), болгарский, сербский. Осложняет все, конечно, Македония. Но, думаю, что в XXI веке это все утрясется. Это письмо со срезанными верхушками букв я вижу палеографически, но не вижу существенных различий в языке и не думаю, что представления о государственных подразделениях 2-й пол. XX в. можно проецировать вглубь на 6–8 веков. Деление на изводы в археографии нам нужны для языковых прежде всего и, следовательно, этнических атрибуций. Сейчас, т. е. в ближайшее время, хотела бы забросить семена в головы филологов, так сказать “информацию для размышления”. Решить тут окончательно что-то совсем не просто. Но думаю, что-то актуальное, что тревожит умы специалистов, могло бы быть хотя бы в форме тезисов высказано на Вашем (именно Вашем! Деловом, как Вы этого хотите) юбилее».

В 1986 г. состоялся юбилей Д. С. Лихачева, он был представлен к званию Героя Социалистического Труда, награжден Орденом Ленина. Л. П. Жуковская от души поздравила его в нескольких телеграммах с юбилеем и высокими наградами.

Об усилиях научной общественности в деле восстановления празднования в конце XX в. Дня славянской письменности и культуры узнаем из письма Л. П. Жуковской к Д. С. Лихачеву от 21 апреля 1987 г.:

«Е. М. Верещагин, О. Н. Трубачев и я отправили в редакцию “Правды” письмо о необходимости включения во всесоюзный календарь памятной даты — Дня славянской письменности и культуры, 24 мая. Одновременно ставим вопрос о необходимости восстановить в системе АН СССР научно-исследовательского центра по изучению старославянского языка и письменности... Мы трое очень просим Вас поддержать идею празднования подвига Кирилла и Мефодия. Как это сделать? — Вы это знаете неизмеримо лучше нас. Посылаю Вам на 5 стр., копию того, что мы отправили в “Правду»».

Евгении Эдуардовне Гранстрем

Еще один постоянный адресат писем Л. П. Жуковской – Евгения Эдуардовна Гранстрем, ее близкая подруга, о которой она с благодарностью говорит: «Мой друг! Человек, благодаря активным действиям и убеждениям которого я защитила докторскую диссертацию!» Эти пять писем датируются 1977, 1985, 1986 гг. (ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 34. 5 п. 8 л.). В них она подробно рассказывает о своей работе над разными научными проектами.

Так, в письме от 31 января 1977 г. Л. П. Жуковская пишет об издании знаменитого Мстиславова Евангелия:

«В институте я занималась очень много и упорно подготовкой (проверкой) картотеки будущего словоуказателя к Мстиславову Евангелию. Мы должны закончить эту работу в этом — 1977 г. Дела еще очень много».

В письме от 12 января 1985 г. она говорит о своей работе в Археографической комиссии над Сводным каталогом:

«Пусть в течение почти 16 лет я ни рубля не получила от Комиссии, пусть Шмидт не провел издание как полугонорарное, чтобы мы с Тихомировым получили небольшие суммы как соредакторы, но дело-то сделано! Каталог есть. Кто, как не я, рыдаю о имеющихся в нем неточностях и опечатках. Но это и мое детище, которому отдано бесчисленное количество часов и нервоврепки».

В письме от 25 декабря 1985 г. Л. П. Жуковская рассказывает о своих командировках в Болгарию и Польшу:

«У меня прошедший год (скорее всего — последний такой) был очень насыщенным: юбилей “Слова”, 1100-летие Мефодия, юбилей Софийского музея в Киеве, защита в Одессе, законная командировка в Болгарию, потом еще одна (!!!) в составе комиссии из 10 чел. (в подготовке принимал участие умный чиновник ЦК, второго его яруса, считая снизу), потом очень странная и неудачная командировка в Польшу. В Болгарию наша комиссия под руководством директора Института славяноведения Маркова... Прошу, настойчиво прошу сохранить все эти сведения в себе... О поездке в Польшу расскажу при случае. Скажу лишь, что возвращалась я раньше, чем смогли мне закомпостировать билет, и то только благодаря совету из нашего посольства. На Варшаве-Всходней целый час ждала проходящий опаздывающий берлинский поезд, в котором есть “группа советских вагонов”. Так мне удалось приехать к заседанию АН нашей по “Слову о полку Игореве”, на котором был доклад Федосеева, Рыбакова, Лихачева и др. Я уже громко кашляла, потом поехала давать краткий отчет и вызволять свой советский паспорт... К вечеру стало свыше 39°, длиннющий больничный лист по парагриппу, а затем тяжелейшему бронхиту».

Письмо от 12 мая 1977 г. написано сразу двум адресатам: Е. Э. Гранстрем и Л. С. Ковтун (ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 35). В нем она рассказывает о работе над Мстиславовым Евангелием, дает характеристики академикам П. Л. Капице и М. В. Келдышу, с надеждой говорит о новом заведующем отделом рукописей Государственного исторического музея И. В. Левочкине, описывает и обстановку в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина⁵.

Олегу Викторовичу Творогову

В архиве Л. П. Жуковской находятся несколько ее писем к известному исследователю древнерусской письменности Олегу Викторовичу Творогову (ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 41). Так, в письме 30 апреля 1985 г. она рассказывает, как отметили в Институте русского языка 1100-летие св. равноап. Мефодия, рассказывает о Первых Борковских чтениях в Волгограде. В этом письме она поднимает проблему так называемой Влесовой книги, которую, как и О. В. Творогов, считала подделкой:

«Д[митрий] С[ергеевич] Лихачев] прислал мне книгу о "Слове", которая содержит отличный по содержательности и академичности выражения раздел для дилетантов. Это заставило меня мысленно снова обратиться к "Влесовой книге"».

В этом письме она сообщает о разговоре с академиком М. Б. Храпченко о том, что О. В. Твороговым подготовлена монография о «Влесовой книге» и важно ее напечатать. Она называет его исследование

«безумно трудоемким и очень нужным трудом — фундаментальным развенчанием "Влесовой книги". Выход в свет этого подвижнического Вашего свершения должен был, с моей точки зрения, окончательно перечеркнуть эти подделки. Но сегодня узнала вдруг, что это не так. Причем мне возражали не только два политически мыслящие священника, но и Е. М. Верещагин, с которым мы вместе были приглашены в общество "Родина", официально занимающееся культурными связями с соотечественниками за рубежом. Дело в том, что общество получило машинопись исследования о В[лесовой] К[ниге], проводившееся в течение десятков лет П. Соколовым (в Аргентине — ?). Вероятно, этот самый Соколов, которого вы называете на стр. 172 своего труда. Там и переводы, и прорисы, и разные соображения исследователя. Судя по толщине — листов 30–40. Я предложила передать материал в ОР РГБ на хранение. В фонде Б. Ребиндера, № 643 за № 77 есть его письма к Л. В. Тигановой и материалы по В[лесовой] К[ниге] — печатные, откуда его могли бы получать разные Кобзевы, Скурлатовы и др. "любители"...»

К письму ею приложен список материалов о «Влесовой книге» в ОР РГБ (Ф. 643).

⁵ Сейчас – Российская государственная библиотека.

Виктору Владимировичу Колесову

Еще один адресат писем Л. П. Жуковской – известный лингвист, историк языка Виктор Владимирович Колесов (ОР РГБ. Ф. 860. К. 20. Ед. хр. 25). Так, в письме от 14 октября 1984 г. она высказывает свое мнение о его статьях и выступлениях по телевидению, в частности восторженно отзывается о передаче, посвященной поэту А. В. Кольцову. Пишет Л. П. Жуковская и о своей работе над статьей о Прологе для Киева:

«Мне страшно повезло, что это воскресенье я дома. Последние недели — собственно, весь сентябрь (кроме 10 дней в Горьком) и начало октября — я по пятницам, субботам, воскресеньям и понедельникам печатала в Институте с 7.30 утра до 10 (однажды — до 12) вечера-ночи. Сделала большую таблицу и статью по ней о пятнадцати написаниях двенадцати слов лексем по 204 спискам Пролога, содержащим рассказ о построении Ярославом церкви св. Георгия у Золотых ворот в Киеве. Получилось около 30 убивающих своей документальностью выводов по палеографии, графике, орфографии, языку, истории (!)... Некоторые совсем частные, но показывают, что можно искать в таком памятнике, если взять множество (200) списков XIV–XVI вв.».

В этом письме она высказывает свое мнение о том, что никакого

«2-го южнославянского влияния в рамках Соболевского не было, я писала раньше (в секторском сборнике, в болгаро-советском сборнике и в австрийском — библиография в докладе на съезде), но теперь уж это, мне кажется, задолблено, т. к. массовый материал исправляет неточности в частных датировках и "убивает". Надеюсь, что киевляне опубликуют всю статью — получилось 54 стр. Если же нет — буду рыдать».

Кроме того, она благодарит за

«приглашение участвовать в октябрьской конференции в ИРЛИ, посвященной "Слову о полку Игореве". Я была бы счастлива выступить на ней с докладом, посвященным некоторым вопросам палеографии, графики и орфографии списка "Слова" и графике издания 1800 г. Часть материалов на эту тему у меня сдана в печать, но вряд ли выйдет к октябрю. К тому же я продолжаю крутить свои мысли вокруг именно этих проблем... Есть уже кое-что еще. Но главное — полное соотнесение списка "Слова" с одним из датированных списков Пролога — остается. Я об этом кое-кому уже говорила, называя саму рукопись, но думаю, что и в докладе на Вашей секции это могло прозвучать интересно...»

Осознавая важность проведения такого исследования, Л. П. Жуковская предлагает сделать доклад в ИРЛИ на тему:

«О соотношении палеографии Мусин-Пушкинского списка и издания 1800 года» (или «К палеографии, графике, орфографии...»).

В письме от 29 апреля 1985 г. Л. П. Жуковская пишет:

«Мне посчастливилось здесь в ВТО увидеть моноспектакль Вашего (театр Комиссаржевской) Михаила Матвеева — “Житие Аввакума”, почти полностью, но в переводе, во всяком случае — фонетическом. Постарайтесь его посмотреть (если еще не видели). Это великолепно по актерской отдаче и смелости. От души желаю ему выхода на более широкую аудиторию: сейчас он сжигает себя практически “для избранных”».

В письме от 4 июля 1985 г. она делится своим мнением об отрицательной рецензии на «Акцентологический словарь» В. Е. Ушакова [Ушаков, 1982]. Она очень переживала за него, высоко оценивая его работу. Также она просила В. В. Колесова написать рецензию на эту рецензию и в ней отметить положительные стороны исследования:

«Словарь — работа, потребовавшая многолетнего труда его составителя, что сама рукопись пропала (но не забудьте, что это случилось еще до 1917 г.), что это первое обращение лингвиста Ушакова к исправленному тексту Евангелия третьей редакции, созданному учителем Дмитрия Донского, что было это, когда Евфимий Тырновский под стол пешком ходил (отсюда — выпад в сторону приверженцев так наз[ываемого] “второго южнославянского влияния”), что текст отражает представления митрополита Алексия о литературно-книжном русском языке его времени...»

В письме от 4 октября 1985 г. Л. П. Жуковская размышляет о проблемах изучения древнеславянской письменности:

«По возвращении из Болгарии с миссией, возглавлявшейся академиком Марковым (против того, что существуют только “древнеболгарский”, “древнеболгарский русского извода” и далее почти по Унбегауну — т. е. до наших дней, раз у нас причастия и вообще “древнеболгарский сербского извода”, что надо называть не “Изборник Святослава”, а “Изборник Симеона” (в связи с этим четыре раза толковала им, что следует различать произведение = памятники и список!), что последний “сздаден” в Болгарии (Лёвочкин там был и толковал им о существовании 3 списков греческих X в. и семи более поздних!) и т. д. и т. п. Вообще победа была все-таки, т. к. подписали общий документ, а не фиксирующий разные мнения по отдельным вопросам».

В этом письме она говорит о том, что вышла рецензия В. В. Колесова на словарь В. Е. Ушакова в сборнике Института русского языка АН.

Вере Юрьевне Франчук

Еще один адресат писем Л. П. Жуковской – известный киевский историк языка Вера Юрьевна Франчук (Ф. 860. К. 22. Ед. хр. 21). Письма к ней датируются 1979, 1983–1987, 1992 гг. В них она рассуждает о статьях своих и В. Ю. Франчук, о различных конференциях и подготовке к ним. В письме от 15 февраля 1983 г. Л. П. Жуковская описывает, как она готовила к печати Мстиславово Евангелие:

«...в пятницу 28 января выяснилось, что необходимо ехать в ленинградскую типографию "Науки" для пробивания кириллического набора Мстиславова Евангелия. Там пробыла 12 дней: цехи работают с 7 ч. утра, но я раздевалась в техотделе, который работает с 8. Сидела, расчеркивая текст (907 стр.) синим карандашом и простым, делая пометы для наборщиков. Пока еще не говори: "гоп!", но похоже, что рано или поздно (вырвала обещание на март) текст самой рукописи будет набран кириллицей, даже с Ъ вместо Ы и Н с косой перекладиной (с прямой у них недостаточно букв в кассе!) и с двумя типами титл: для основного писца Алексы и для открытого мною второго писца — разные. Сейчас идет жуткая трепка нервов по вопросу о характере печатания словоуказателя. Все еще ничего не ясно: только что звонила в московский техотдел. Совершенно необходимо, чтобы "Апракос Мстислава Великого" вышел в срок к съезду. Сколько людей помогали! Но боюсь все еще: не сорвалось бы!»

Никите Александровичу Мещерскому

Известному лингвисту Никите Александровичу Мещерскому Л. П. Жуковская написала несколько писем в 1970–1980-х гг. (ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 2). Так, в письме от 27 февраля 1972 г. она извещает о том, что его статья «Памятники ветхозаветной письменности в древней славяно-русской рукописной традиции» не включена в «Археографический ежегодник» и в сокращенном виде будет опубликована в «Методических рекомендациях». Она просит Н. А. Мещерского о содействии в публикации статей своих аспирантов, а также в оппонировании их диссертаций и со свойственным ей юмором сравнивает себя с «опекающей наседкой». Так, в письме от 4 ноября 1979 г. она благодарит его за согласие оппонировать кандидатскую диссертацию А. М. Молдована.

Василию Васильевичу Нимчуку

Лидия Петровна Жуковская заботилась о научном будущем всех своих аспирантов и старалась каждому помочь. Это мы видим и из ее письма от 12 сентября 1986 г. к известному лингвисту Василию Васильевичу Нимчуку (ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 11). В нем она пишет о Г. С. Баранковой и просит включить доклад своей ученицы в программу киевской конференции, поскольку считает, что у нее большое научное будущее в Институте русского языка: «...после меня-старухи останется одна Баранкова...» Письмо от 19 ноября 1986 г. посвящено рассказу о поездке в Белград:

«В конце октября... я была в Белграде на конференции Международной комиссии по составлению Словаря (-рей) церковнославянского языка, организованной в 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве. Президент ее после смерти А. Курца — Ф. Мареш, а поскольку он обосновался в Вене, то от соцстран я ее вице-президент».

Леониду Григорьевичу Панину

В архиве Л. П. Жуковской сохранились письма к ее докторанту, известному новосибирскому историку языка Леониду Григорьевичу Панину (Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 19). В них она, в частности, описывает историю написания ею статьи в сборник «"Слово о полку Игореве" и его время» [Жуковская, 1985]:

«Так вот родилась первая часть статьи, на первый взгляд, только уточняющая Рыбакова, а в действительности исполненная безумно трудоемкого шерлоххолм-сничанья. Короче говоря, использовав свой палеографический и кодикологический опыт, я, мне кажется, доказала, что "Слово" имело три-четыре редакции (если Б. А. Рыбаков прав)».

Биографические сведения о Л. П. Жуковской в ее письмах к разным корреспондентам

Во многих письмах Л. П. Жуковской, обращенных к известным исследователям, находятся очень интересные биографические сведения о ней. Таковым является письмо от 26 августа 1990 г. к Лидии Сысоевой, старшему научному сотруднику Национального исследовательского центра эпидемиологии и микробиологии имени Н. Ф. Гамалеи (ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 54). Это письмо – отклик на поразившую Л. П. Жуковскую статью этого автора «Так ли непобедим рак?». В нем Лидия Петровна рассказывает о том, как безуспешно пыталась помочь своей дочери, умиравшей от рака Адольфине Кузнецовой, молодому кандидату филологических наук:

«...я начала борьбу за ее жизнь, которая продлилась почти год (операция 16 июня 1974 г., смерть — 2 мая 1975 г.)».

В больнице АН СССР за 10 лет до этого была сделана операция по поводу рака прямой кишки ее матери –

“она прожила после операции 19 лет и умерла не от рака”, “еще до войны мой дед Мелехов Мефодий Федорович, сам фельдшер, напрасно лечился у “тайнинского деда”, делавшего ему уколы от рака желудка (тогда продали старинные часы, зеркало, лампу, денег все не хватало). О “тайнинском деде” был потом подвал в “Известиях” (я была школьницей — могу ошибиться), а мой дедушка умер в страшных мучениях и лежит в самом низу могилы из трех раков: он — рак желудка, тетя Татьяна Мефодиевна Гайдукова — рак груди, мама — Вера Владимировна Жуковская (дедушка — ее отчим) — рак прямой кишки (правда, успешно оперированный В. С. Романенко) — все в одной могиле на Пятницком кладбище. Кто погубил мою дочь, которая лежит на Хованском 1-м? <...> Я по двухгодичному вечернему образованию без отрыва от вузовского — медсестра военного времени, с практикой терапевтической в Институте им. Обуха и хирургической — в Институте Склифосовского».

Интересные биографические данные о Л. П. Жуковской находим в ее письме к внуку художника В. Д. Поленова, исследователю творчества художника Д. Ф. Поленову (ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 28). Это письмо было написано Л. П. Жуковской после 1992 г. после прочтения его книги, из-за которой на нее нахлынули воспоминания:

«Читать стала наугад. Кажется, с рассказа “Два рассказа”. Там увидела название Мещёвск (в нем я родилась), название Извеково. Дело в том, что моя мать Вера Владимировна Жуковская — урожденная Извекова, но это не от названия мещевского имения, она дочь псаломщика из Песочни (название тоже у вас встречается), родившаяся после его смерти от, как тогда говорили, — горловой чахотки; потом она кончила Калужское епархиальное, много рассказывала мне о К. Э. Циолковском; ее бабушка имела домик в Калуге, где мама и возматала, потом была учительницей где-то около имения Белолипецких, в котором часто бывал Владимир (Ильич) Толстой, ее поклонник и человек, мягко говоря, несерьезный, после войны он вернулся из эмиграции и был агрономом под Москвой. За Петра Яковлевича Жуковского мама вышла замуж после революции году в 1918 или 1919, когда он вернулся с Балтийского флота, где он 8 лет прослужил на действительной службе, а потом на германской войне судовым механиком на миноносце и на крейсере (названий не помню) и дважды тонул (помню подмоченные фотографии и клеенчатые тетради: отец писал стихи и прозу, но в 1937 г. мама сожгла целый

ящик этих тетрадей!). Отец служил на Сызрано-Вяземской дороге после окончания Калужского технического училища, всегда горевал, что не мог кончить классическую гимназию и поступить в университет; был почитателем Толстого, разумеется, его хоронил (дома была куча фотографий с похорон), ходил в толстовке всю жизнь, как я его помню... но, кажется, в манере письма более следовал подаче деталей Чеховым (блестящее горлышко бутылки — лунная ночь). С мамой они познакомились в Мещевске, где она постоянно проводила лето в семье своей матери и отчима Мефодия Федоровича Мелехова, служившего там много-много лет ветеринарным фельдшером, обожаемым всеми окрестными (на 30 верст) крестьянами и мною (дошкольницей). Другой мой дед Яков Афанасьевич Жуковский (прадед Афанасий Матвеевич, а дальше — не знаю) был младшим сыном, но все же в 1918 г. потерял какие-то земли, выезд и главное, о чем тужил мой отец, — библиотеку, от которой на моей памяти остались только Л. Толстой и Достоевский (пропавшие уже у меня во время этой войны). Этот дед меня страшно любил, хотя я и была старшим ребенком старшего сына — девочкой, что, как я понимала уже, будучи совсем крохой, было еще одним недостатком моей матери (она была “бедная” и родила дочь, а не сына!). Его помню: с седыми кудрями, огромными темно-карими смеющимися мне глазами, освещенного слева ярким солнцем, сидящего в кресле между двух окон, с огромной самокруткой в руках, прямой, длинной, толще его большого пальца. Несмотря на то, что я была девочкой, он меня любил и все время твердил как заветное: “Берегите эту девочку!” Я крохой была крайне умна, но связано это было, как я теперь понимаю, с тем, что я возрастала в сельской школе (д. Касмыново), и крохой разгуливала по классу, и в 1925 г. (уже после смерти деда) самостоятельно читала сказки Андерсена и Братьев Гримм, напечатанные сравнительно мелкой печатью. (Потом, в 10 лет, уже в Новогирееве, на их основе моментально сочиняла самые разные сказки, с закрытыми глазами, когда две подружки водили меня под руки, и называлось это “водить слепых”). Но еще помню (зацепившись мыслью за слово “Новогиреево”), что там же сделала себе и подружке Нине крылья и верила, что мы с ней поднимемся от ветра и улетим... Но... это уже не Калужская Земля! Мой ностальгический приступ, навеянный не только Вашей книгой, но и самой поездкой в калужско-тульские места, давно в Ясную, в Поленово, привели меня к тому, что я, кажется, обнаружила в симпатичном мне коллеге Кускове Владимире Владимировиче, профессоре древнерусской литературы в МГУ, своего родственника: его дядя Дмитрий Кусков был женат на старшей любимой сестре моего отца фельдшерице Анне Яковлевне, урожд[енной] Жуковской! А это был мой “дядя Митя”, который нарисовал меня, зрительно помню этот рисунок, и учил меня рисовать в д. Заньково (3 км от Мещёвска), куда он приехал с моим двоюродным братом к своей теще, моей бабушке Марии Васильевне Жуковской... И это было не позже чем в 1925 году! Это простое сумасшествие: что наделала со мной ваша книга!.. Зимой 83/84 года я оказалась за столом на ученом совете МГПИ Ленина с одной женщиной — Марией Ник[олаевной] Морозовой (вдовой фольклориста Кравцова):

мы обе были с ней оппонентами, но по разным диссертациям (она — доцент по современному русскому языку). Она заговорила со мной о том, не отец ли мой Петр Яковлевич Жуковский, т. к. фамилия нечастая, а к тому же я еще и "Петровна". Оказалось, что мы с ней родня — троюродные сестры, мать ее и мой отец были двоюродными. Я еще вспомнила (но не сказала ей), что моя мать ревновала отца к этой его двоюродной сестре. Мы оказались еще и соседями по дому. Тогда же договорились, что летом (1984!) поедem в Мещёвск, где не только мы родились, но и какая-то родственница заведует теперь гостиницей. Но... жизнь замотала. Мы даже не встретились с ней дома у нее или у меня. Сейчас, под настроem Вашей книги, позвонила ей, чтобы договориться о поездке в Мещёвск. И узнаю... умерла 7 ноября 1984 г. Вот! Я была потрясена. Потом поговорила с хорошей женщиной и хорошим древником Ольгой Александровной Державиной... как-то пришла в относительную норму, заложила чистый лист бумаги... и вот продолжаю писать. Благо, что машинка не передает (или почти не передает) настроения пишущего <...> Слова о голодной Москве 1942 г. я воспринимаю особенно ясно: моя мать и брат опухли от голода именно в страшную зиму 1941–42 г. (я была с мужем и маленькой падчерицей в Свердловске)... У меня в Занькове под окном те же [люди] срубили елочку, мою ровесницу, специально для меня посаженную отцом в день моего рождения в 1920 г. — "св. Лидия"...»

В архиве Л. П. Жуковской хранятся составленные ею генеалогические таблицы рода Жуковских (ОР РГБ. Ф. 860. К. 1. Ед. хр. 37).

Биографические сведения о Л. П. Жуковской находим и в ее письмах к Д. С. Лихачеву (ОР РГБ. Ф. 860. К. 20. Ед. хр. 43). Так, в письме от 9 февраля 1977 г. она пишет:

«Мне уже 57. Я родилась 5 апреля 1920 г. (в день именин!). Меня крестила акушерка! Прямо в роддоме, не надеясь, что я выживу, т. к. я появилась с задержкой и только тогда, когда бабушка где-то добыла яичко для моей голодающей матери (1920 год!), у которой не было сил произвести меня на свет».

О своем родстве с известным историком древнерусской литературы В. В. Кусковым, о чем Л. П. Жуковская писала Д. Ф. Поленову, она рассказывает и в своем письме от 12 октября 1986 г.:

«Ведь мы с ним летом прошлого года установили, что мы — родня не только по науке, а и формально "свойственники": его родной дядя был женат на моей родной тетке Анне Яковлевне Кусковой. В войну погибли и его дядя, и моя тетя, и двое их взрослых сыновей. Мне было очень интересно узнать, что там, где жила моя тетка (видимо, это родина В. В. Кукова), ее называли "медицинка": она была фельдшерницей, получившей образование еще до революции...»

Заключение

Таким образом, в письмах Л. П. Жуковской, адресованных к известным ученым второй половины XX в., поднимаются важные проблемы изучения и подготовки к изданию таких памятников письменности, как Изборник Святослава 1073 года, Мстиславово Евангелие, Пролог, «Слово о полку Игореве» и др. Поднимала она и вопрос о том, что «Влесова книга» является фальсификацией, а также высказывала свое несогласие с мнением А. И. Соболевского о втором южнославянском влиянии. Большое внимание в ее письмах уделено рассказам о подготовке к Международным съездам славистов, о ее участии в работе Международного комитета славистов по составлению словаря церковнославянского языка, а также в Первых Борковских чтениях в Волгограде и в других научных конференциях и заседаниях. Волновали ее и сложности во взаимоотношениях между славистами разных стран, которые она объясняла, прежде всего, разницей в понимании терминологии, в частности по отношению к изводам славянских языков. Из ее писем видно, как много сил и энергии она уделяла восстановлению празднования в нашей стране Дня славянской письменности и культуры. Много внимания Лидия Петровна уделяла и обсуждению вопросов, связанных со своей работой по описанию славяно-русских рукописей в Археографической комиссии. Очень эмоциональными предстают ее воспоминания об истории ее семьи в сложный исторический советский период. Ее эпистолярное наследие представляет большую ценность для тех, кто изучает историю России, поскольку содержит разнообразную историко-культурную информацию о жизни научной интеллигенции. Письма Л. П. Жуковской свидетельствуют о том, что ее идеи и конкретные решения вопросов русской письменности сохраняют актуальность и еще многие годы будут оставаться важной основой для новых исследований в этой области.

Список источников

1. Жуковская Л. П. Письма и телеграммы к Лихачеву, Дмитрию Сергеевичу, академику. 1977, 1979, [1981], 1984–1988, 1991 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 20. Ед. хр. 43. 10 п. 6 т. 29 л.
2. Жуковская Л. П. Письма к Гранстрем Евгении Эдуардовне. 1977, 1978, 1985, 1986 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 34. 5 п. 8 л.
3. Жуковская Л. П. Письмо к Гранстрем, Евгении Эдуардовне и Ковтун, Лидии Сергеевне. 1977 мая 12 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 35. 1 п. 1 л.
4. Жуковская Л. П. Письма и телеграмма к Творогову, Олегу Викторовичу. 1985, 1991 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 19. Ед. хр. 41. 7 п. 1 т. 14 л.
5. Жуковская Л. П. Письма к Колесову, Владимиру Викторовичу. 1971, 1982, 1985, 1987 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 20. Ед. хр. 25. 7 п. 1 т. 8 л.

6. Жуковская Л. П. Письма к Франчук, Вере Юрьевне. 1979, 1983 – 1987, 1992 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 22. Ед. хр. 21. 13 п. 1 т. 14 л.
7. Жуковская Л. П. Письма к Мещерскому, Никите Александровичу. 1966, 1972, 1976, 1979, 1985 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 2. 6 п. 9 л.
8. Жуковская Л. П. Письма к Нимчуку, Василию Васильевичу. 1986 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 11. 2 п. 1 т. 2 л.
9. Жуковская Л. П. Письма к Панину, Леониду Григорьевичу. 1985, 1987, 1991. // ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 19. 4 п. 1 т. 5 л.
10. Жуковская Л. П. Письмо к Сысоевой, Лидии, старшему научному сотруднику НИИЭМ им. Гамалеи АМН. 1990 авг. 26 // ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 54. 5 л.
11. Жуковская Л. П. Письма к Поленову, Федору Дмитриевичу. [После 1992] // ОР РГБ. Ф. 860. К. 21. Ед. хр. 28. 3 л.
12. Жуковская Л. П. Генеалогическая таблица рода Жуковских, составленная Л.П. Жуковской. [Не ранее 1982] // ОР РГБ. Ф. 860. К. 1. Ед. хр. 37. 8 л.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

The author has read and approved the final manuscript.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest related to this article.

Список литературы / References

Жуковская Л. П. Волоковский лес на пути из варяг в греки // Записки Отдела рукописей. Москва, 2008. Т. 54. С. 556–561 [Zhukovskaya LP (2008) Volokovsky forest on the way from the Varangians to the Greeks. *Zapiski Otdela rukopisej*. Moscow, vol. 54, pp. 556–561. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. Из истории языка Северо-Восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) // Труды Института языкознания Академии наук СССР. Москва, 1957. Т. 8. С. 5–106 [Zhukovskaya LP (1957) From the history of the North-Eastern Rus' language in the mid-14th century (Phonetics of the Galician dialect based on the Galician gospel, 1357). *Trudy Instituta yazykoznaniiya Akademii nauk SSSR*. Moscow, vol. 8, pp. 5–106. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. Новгородские берестяные грамоты. Москва : Учпедгиз, 1959. 128 с. [Zhukovskaya LP (1959) Novgorod birch bark letters. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. О редакциях, издании 1800 г. и датировке списка «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. Москва, 1985. С. 68–125 [Zhukovskaya LP (1985) About the editions, the 1800 edition and the dating of the «The Tale of Igor's campaign» copy. «*Slovo o polku Igoreve*» i ego vremya. Moscow, pp. 68–125. (In Russ.)].

Жуковская Л. П. Список трудов доктора филологических наук Л. П. Жуковской // Записки Отдела рукописей. Москва, 1990. Вып. 49. С. 253–262 [Zhukovskaya LP (1990) List of works by Doctor of Philological Sciences L. P. Zhukovskaya. *Zapiski Otdela rukopisej*. Moscow, iss. 49, pp. 253–262. (In Russ.)].

Звучащее слово Древней Руси : репертуарно-темат. сб. / сост. Ю. Н. Малышева. Москва : Советская Россия, 1988. 140 с. [Malysheva YuN (comp.) (1988) The Sounding word of Ancient Rus. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russ.)].

Ушаков В. Е. Акцентологический словарь древнерусского языка XIV века. Москва : Моск. пед. ин-т, 1982. 398 с. [Ushakov VE (1982) Accentological dictionary of the Old Russian language, 14th century. Moscow: Mosk. ped. in-t. (In Russ.)].

Хронологический список трудов Л. П. Жуковской за 1951–1993 гг. // Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и в СССР) : избр. работы. Москва, 2020. С. 415–437 [Zhukovskaya LP (2020) Chronological list of works by L. P. Zhukovskaya for 1951–1993. *Zhukovskaya L. P. Razvitie slavyano-russkoi paleografii (v dorevolyutsionnoi Rossii i v SSSR) : izbr. raboty*. Moscow, pp. 415–437. (In Russ.)].

Информация об авторе

Марина Семеновна Крутова
доктор филологических наук,
главный палеограф,
Отдел рукописей Российской
государственной библиотеки,
ул. Воздвиженка, 3/5, Москва,
119019, Россия;
профессор,
Московская духовная академия,
территория Лавра, Академия, Московская
область, г. Сергиев Посад, 141312, Россия
ORCID: [0000-0003-3564-1505](https://orcid.org/0000-0003-3564-1505)
SPIN: [7053-9493](https://www.spin.ru/7053-9493)
mskrutova@yandex.ru

Information about the author

Marina S. Krutova,
Doctor of Philology,
Chief Paleographer,
Department of Manuscripts
of the Russian State Library,
3/5 Vozdvizhenka St., Moscow, 119019, Russia;
Professor,
Moscow Theological Academy,
Territory of the Lavra, Academy, Moscow region,
Sergiev Posad, 141312, Russia
ORCID: [0000-0003-3564-1505](https://orcid.org/0000-0003-3564-1505)
SPIN: [7053-9493](https://www.spin.ru/7053-9493)
mskrutova@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received 28.06.2025

Получена после доработки / Revised 28.07.2025

Принята к публикации / Accepted 28.07.2025